

ISSN 2587-9820

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
Восточно-Сибирский институт

КРИМИНАЛИСТИКА

вчера, сегодня, завтра

Выпуск 2 (14)
2020

Иркутск

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

№ 2 (14) 2020

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2020

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

№ 2 (14) 2020

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77—69590 от 02.05.2017

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени
доктора наук, рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по каталогу Роспечать 39897. Цена свободная.

Издается с мая 2017 года
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя, типографии:
ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
тел. (3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
<https://вси.мвд.рф/>
e-mail: esiirk-kafkrim@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020

Шеметов А. К., Васюков В. Ф. О роли осмотра
места происшествия при разоблачении инсценировок самоубийств 201

Яцкина И. А. Криминалистическая сущность преступлений,
связанных с пропагандой экстремизма, и особенности проведения
различных следственных действий в процессе их расследования 209

Уголовный процесс

Емельянова А. А. К вопросу о заключении под стражу
несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого 218

Михайлова Т. Н., Грибунов О. П. Эволюция развития
нормативно-правовой основы ювенального судопроизводства
в России 225

Россинский С. Б. Является ли потерпевший
субъектом доказывания по уголовному делу? 237

Информация для авторов 244

УДК 343.1

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10043

Алексей Константинович Шеметов,

старший преподаватель кафедры криминалистики
Екатеринбургского филиала Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации;

Виталий Федорович Васюков,

доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (Университет);
профессор кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова,
доктор юридических наук, доцент

О РОЛИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАЗОБЛАЧЕНИИ ИНСЦЕНИРОВОК САМОУБИЙСТВ

Аннотация: Разоблачение инсценировок преступлений всегда занимало умы ученых и практиков. Высокий интерес названной тематики обуславливается как практической, так и теоретической значимостью самой указанной категории криминалистических знаний, особой сложностью разоблачения, выявления ее признаков в проблемных условиях острого дефицита сведений о произошедшем событии. Путем инсценировки могут скрываться различные интересующие следователя обстоятельства. Зачастую субъекты преступления стараются завуалировать действительный характер преступного деяния. Все это делает актуальной выявление инсценировок уже на самой ранней стадии расследования уголовного дела. А эффективная деятельность в этом направлении способствует повышению результативности уголовного судопроизводства, соблюдению кратчайших сроков установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. Основные признаки инсценировок кроются в материальных отображениях выполняемых действий, сохраняются на объективных носителях, исследование которых реализуется в рамках производства осмотра места происшествия и объектов, в нем располагающихся.

Ключевые слова: инсценировка самоубийства, расследование, следователь, осмотр места происшествия, противодействие расследованию.

Alexey Konstantinovich Shemetov,

senior lecturer of the Department of Criminalistics
of the Yekaterinburg branch of the Moscow Academy
of Investigative Committee of the Russia;

Vitaliy Fedorovich Vasyukov,

Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics
of the Moscow State Institute of International Relations (University);
Professor of the Department of Criminalistics
and preliminary investigation in internal affairs agencies
of the Oryol law Institute of the MIA of Russia
named after V. V. Lukyanov,
Doctor of Law, Associate Professor

ON THE ROLE OF CRIME SCENE SEARCH IN EXPOSING OF FAKING SUICIDES

Abstract. Exposing of faking crimes has always occupied the minds of scientists and practitioners.

The high interest of this topic is due to both the practical and theoretical significance of the specified category of forensic knowledge, the particular complexity of exposing, identifying its features in the problematic conditions of an acute shortage of information about the event. Various circumstances of interest to the investigator may be concealed by staging. Often, the subjects of the crime try to disguise the actual nature of the criminal act. All this makes it relevant to identify dramatizations at the earliest stage of the criminal investigation. And effective activities in this direction contribute to improving the effectiveness of criminal proceedings, compliance with the shortest possible time to establish all the circumstances to be proved.

The main signs of dramatizations are hidden in the material representations of various actions and are stored on objective media, the study of which is implemented as a part of crime scene search and objects located in it.

Keywords: faking suicide, investigation, investigator, examination of the scene, counteraction to the investigation

При проверке сообщений об обнаружении трупа в тех или иных условиях следователь зачастую сталкивается с необходимостью разрешения проблемных ситуаций. Несомненно, этому способствует ряд объективных факторов. В подавляющем большинстве случаев убийства совершаются в условиях неочевидности, а возможные очевидцы произошедшего при их наличии сами оказываются вовлеченными в процесс наступления смерти потерпевшего. Все это ведет к острому дефициту исходных данных о характере события, участвующих в нем лицах и иных элементах, а основным источником информации становится объективная обстановка, в которой и произошла гибель потерпевшего.

Сложные ситуации названного толка формируются в том числе и в условиях сообщения о самоубийстве потерпевшего, труп которого обнаружен

родственниками или сторонними лицами. В указанных условиях следователь всегда, даже при кажущихся ему очевидными признаках самостоятельного лишения себя жизни самим потерпевшим, должен выдвигать контрверсию о том, что имело место умышленное лишение жизни жертвы, замаскированное под суицид.

По данным некоторых исследователей, лишь в 14 % случаев субъекты преступлений прибегают к инсценировкам [1, с. 51]. В такие цифры верится с трудом. Во-первых, деятельность подобного рода носит латентный характер, а успешно проведенные операции так и не попадают в статистику. Во-вторых, в аналогичные показатели, вероятно, включаются все разнообразные способы противодействия расследованию, богатый арсенал которых не позволяет использовать эти обобщения.

Вопросу разоблачения инсценировок самоубийств в криминалистической литературе давно уделялось значительное внимание. Вопросам разоблачения инсценировок были посвящены труды В. П. Бахина, Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, И. А. Возгина, В. К. Гавло, В. Н. Карагодина, И. М. Лузгина, Г. Н. Мудьюгина, В. А. Образцова, В. А. Овечкина и др.

Несмотря на столь серьезную проработку рассматриваемой тематики, разоблачение инсценировок самоубийств до сих пор вызывает серьезные трудности. Во многом это обусловливается неготовностью некоторых следователей к ретроспективному анализу произошедшего события, моделированию в условиях осматриваемой обстановки тех событий, которые могли привести к гибели потерпевшего, способностям выдвижения и проверки версий в тех условиях, где происходили интересующие следователя события.

Значительное количество выводов может быть сделано из анализа самой обстановки места, которое выбрал для себя самоубийца. Вполне традиционным считается выполнение действий лицом в условиях, которые хорошо знакомы ему, являются привычной для него обстановкой. Данные об этих связях становятся известны следователю еще из первичного сообщения о месте, где обнаружен труп. Сведения об этом могут быть установлены также из показаний свидетелей, обнаруживших труп, характеризующих самого погибшего, проживающих в непосредственной близости с участком, где было найдено тело потерпевшего. Обстановка на месте гибели жертвы, содержание предполагаемых к выполнению действий также может указывать на знакомство с обстановкой самого потерпевшего, хорошую ориентацию в условиях, где производились операции по лишению себя жизни [2, с. 14].

Изучение объективных условий, самой структуры обстановки, в которой реализовывались акты, направленные на лишение жизни, позволяет ответить на вопрос об отсутствии или наличии возможности присутствия в этих условиях посторонних лиц, способных в разной степени участвовать в наступлении смерти потерпевшего. Например, наличие запорных устройств на дверном полотне, которые могли быть использованы лишь изнутри поме-

щения, ограничивает возможность участия в интересующем событии иных лиц, определяет характер действий самого суицидника.

В обстановке места произошедшего события часто находится и последнее обращение погибшего. В последнее время все чаще наблюдается отсутствие предсмертной записки либо оставление ее в электронном виде, передача посредством дистанционного общения. Особую распространенность такой способ передачи собственных мыслей находит в кругу несовершеннолетних, прибегающих к суициду. Возможен вариант и отложенной отправки таких сведений. В этих условиях в обстановке места обнаружения трупа данные о его отправке могут вовсе отсутствовать.

В случаях наличия на месте предполагаемого самоубийства предсмертного обращения оно подлежит детальному анализу. Для того чтобы положительно ответить на вопрос о наличии признаков суицида, требуется установить действительное авторство записей самому потерпевшему, отсутствие признаков воздействия на него со стороны сторонних лиц. Так, например, обращается внимание на используемые в письме обороты, словосочетания, которые могут быть нехарактерными для самого погибшего, круга лиц, к которому он относится, несоответствие формулировок, используемых в записке, состоянию самоубийцы. Следует учитывать, что распространенным является излишняя эмоциональность обращения, использование в нем ярких, резких формулировок, обвинений конкретных лиц и иных признаков специфического психологического состояния автора письма.

На особое состояние самоубийцы может указывать и способ изготовления послания. Так, для наиболее эмоциональных авторов характерно изготовление таких обращений в значительном масштабе, с использованием собственной крови и т. д. Все это учитывается при проверке состояния, в котором находился погибший, возможности выполнения им указанных действий до приведения задуманного к логическому завершению.

Зачастую авторы посланий такого рода используют для изготовления предсмертной записки материалы и средства, отысканные ими на месте самоубийства. Следы подобных подготовительных манипуляций также подлежат моделированию и проверке возможности их выполнения самим потерпевшим.

Судебно-следственной практике известны случаи заблаговременной подготовки к самостоятельному лишению жизни, выполнения сложных предшествующих операций, значительного периода времени их осуществления. Но даже в этих случаях следы выполнения названных действий самим потерпевшим могут быть отысканы на месте происшествия.

При разоблачении инсценировок самоубийств при производстве осмотра места обнаружения трупа нельзя обойтись без моделирования предполагаемых действий, необходимых к выполнению со стороны суицидника. В проверяемые события должны включаться акты, предшествовавшие наступле-

нию смерти, включающие в себя основные действия, направленные на достижение состояния смерти, а также те из них, которые имели место быть после наступления смерти потерпевшего (например, действия сторонних лиц, обнаруживших труп потерпевшего).

В подготовительные действия, моделируемые следователем в условиях осматриваемой обстановки, включается не только лишь изготовление потерпевшим предсмертной записки, но и подыскание им требуемых материалов и средств, которые он использовал для самоубийства, орудий, применяемых им, перемещение предметов обстановки на нужные участки, взаимное использование их для подготовки к суициду и т. д.

Например, использование такого способа самоубийства как причинение себе огнестрельных ранений требует заблаговременного подыскания самого оружия, приведение его в состояние готовности к производству выстрела, в ряде ситуаций предполагает подбор дополнительных предметов, позволяющих причинить ранение самому себе и т. д. Использования в качестве суицида самоповешения предполагает необходимость поиска материала петли, её монтаж на возвышенных конструкциях, иные дополнительные действия облегчающие реализацию самоубийства. Самостоятельное падение с высоты требует от суицидника выполнения действий, направленных на размещение его на значительной высоте, преодоления для этого оградительных конструкций, использования дополнительных приспособлений и др.

При этом следует учитывать способности выполняющего названные акты субъекта, его особое психоэмоциональное состояние, условия, в которых он реализует названные операции.

В ряде ситуаций выполнение этих действий обуславливается физической развитостью потерпевшего, его несовершеннолетним (пожилым) возрастом, особенностями его психики и т. д.

Сами акты, направленные на лишение себя жизни, также обусловлены избранным потерпевшим способом самоубийства, имеющимися у него средствами достижения цели, свойствами личности суицидника и другими факторами.

Модели указанных действий должны учитывать названные обстоятельства, подталкивать к выдвижению следователем конкретных предположений о вероятных следах выполняемых действий, местах их обнаружения, взаимного расположения друг относительно друга, локализации на конкретных носителях, форме, размерах, агрегатном состоянии этих отображений.

В некоторых случаях в подобной деятельности помощь следователю могут оказывать сведущие лица, привлекаемые им в производство осмотра места происшествия и трупа, обнаруженного на нем. Так, судебный медик может оказать содействие в моделировании действий, следы которых остались в виде травм, ранений, следов выделений организма на теле потерпевшего, его одежде, предметах, располагающихся возле трупа.

Модели предполагаемых действий должны включать в себя не только характер производимых актов, но и их последовательность, используемые при этом предметы, способ обращения с ними и т. д.

Существенную помощь при этом должен оказывать и специалист в области криминалистики, также привлекаемый следователем при производстве указанного следственного действия.

Значительное количество авторов справедливо включает в признаки инсценировок наличие «негативных обстоятельств».

В «Руководстве для судебных следователей» Г. Гросса они определяются как «отрицательные данные». Чуть позже в учебной литературе неоднократно предпринимались попытки конкретизации названного понятия, определения роли этих «лишних предметов», «несообразности» с объемом выясняемых следователем сведений. В целом, не углубляясь в дискуссии подобного рода, следует согласиться с тем, что под негативными обстоятельствами должны пониматься обстоятельства, противоречащие представлению об обычном ходе и признаках события, сложившемуся на основе осмотра места происшествия [3, с. 16].

Отысканию при этом подлежат не только признаки, обычно характерные для самоубийства, но и свойственные избранному потерпевшим способу лишения себя жизни, характеру производимых им действий, обстановке, в которой они производились.

Поиск негативных отображений моделируемого события позволяет не только опровергать выдвинутое предположение, но и отыскивать следы выполнения инсценируемых действий на определенных объектах, выдвигать предположения о субъектах, прибегающих к подобному способу сокрытия преступления. Особую актуальность это приобретает в условиях разоблачения инсценировок, заранее не подготовленных субъектами их реализации. В этих условиях лицо, не имеющее возможности заранее планировать инсценируемые действия, вынуждено действовать ретроспективно, самостоятельно моделируя воссоздаваемое событие. Это подталкивает к значительному образованию противоречивых отражений, которые не могли образоваться в реальных условиях. Несколько сложнее обстоит ситуация в условиях выявления инсценировок планируемых заблаговременно. В данном случае все манипуляции заранее продумываются, подготавливаются субъектом преступления, включаются в подготовку к противоправным актам.

Негативные обстоятельства могут быть разделены на две самостоятельные группы. Первая из них связана с наличием на месте происшествия следов, которые не могли образоваться при моделируемом следователем событии самоубийства, вторая — с отсутствием необходимых при именно таком течении события следов произошедшего.

Так, например, обнаружение следов посмертного причинения повреждения в виде странгуляционной борозды, ее множественный характер свиде-

тельствует о сокрытии путем инсценировки убийства путем удушения, т. к. следы такого рода не могли образоваться при самостоятельном причинении смерти. Отсутствие же следов на поверхности площадки отталкивания, с которой совершил последний шаг потерпевший, также служит основанием для выдвижения версии об искусственно созданных условиях, наблюдаемых следователем.

Следует учитывать, что обнаружение негативных обстоятельств далеко не всегда опровергает событие целиком, противореча при этом лишь реализации отдельных актов. Стало быть, оценка факторов такого рода должна носить характер комплексного анализа, в который включаются не только названные противоречия, но и установленные следователем реальные фактические данные [4, с. 118].

Разоблачение инсценировок самоубийств предполагает выдвижение конкретных предположений о том, в чем заключались действия самого субъекта, пытающегося завуалировать действительный характер произошедшего события.

Действия такого рода могут быть разнообразными. Так, зачастую в целях инсценировки уничтожаются следы, предметы, меняется положение отдельных объектов (в том числе трупа), причиняются посмертные повреждения. Таким образом, деятельность следователя по разоблачению искусственно созданных условий может осуществляться в направлении поисков следов, отражающих такие действия.

При выдвижении версии об инсценировке обстановки места происшествия, утаивании или создании с этой целью следов события должны выясняться предполагаемые субъекты этих актов и мотивы, которые двигали ими.

Одновременно с этим следует помнить, что воздействие на материальные объекты может быть осуществлено не только действиями отдельных лиц, совершивших преступное деяние, но и силами природы, а также действиями посторонних участников, которым ничего не известно о преступлении либо о действиях, его скрывающих, и такое воздействие, хотя и может создавать искусственную систему, несущую недостоверную информацию о происшедшем, но в данном случае не может являться инсценировкой в криминальном смысле [5, с. 85]. Таким образом, неотъемлемым признаком, отделяющим инсценировку от других случаев воздействия на материальные объекты, является мотив и цель заинтересованного лица.

Версии о личности субъектов инсценировки могут отталкиваться от типичных представлений о том, что к сокрытию такого рода обычно прибегают лица, хорошо знакомые с потерпевшим, близкие, родственники погибшего. Учитывая известные данные об этих лицах, конкретизируются модели, составляемые следователем, реализация которых могла привести к образованию обнаруженных следов [6, с. 45].

Данные об участии в этом виде деятельности определенных лиц могут быть получены в ходе оперативно-розыскных действий, проводимых по поручению следователя в момент производства осмотра места происшествия.

Указанная версионная деятельность проверяется при исследовании объективной обстановки осматриваемого места обнаружения трупа, отдельных объектов, имеющих там.

Таким образом, деятельность следователя на месте происшествия при изобличении инсценировки самоубийства обладает серьезной спецификой. При этом требуется учитывать всю совокупность не только выявленных при исследовании объективной обстановки следов события, произошедшего в этих условиях, но и тех отражений, которые должны были остаться при выполнении действий, приведших к наступлению смерти потерпевшего. Одновременно учитывается особое психоэмоциональное состояние погибшего, порой серьезно усложняющее объем и содержание выполняемых операций. Не стоит забывать и о том, что предположения такого рода не ограничиваются только лишь поиском подтверждающих или опровергающих его обстоятельств, но и версиями о том, кто и с какой целью скрывал действительные обстоятельства наступления смерти потерпевшего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Мальшикин П. В. Вопросы детерминации преступных инсценировок / П. В. Мальшикин // Следователь. — 2009. — № 3. — С. 50—53.
2. Мошкин С. В. Понятие инсценировки в криминалистике / С. В. Мошкин // Роль науки в развитии общества. — 2014. — № 10. — С. 11—17.
3. Белкин Р. С. Эксперимент в следственной и судебной практике / Р. С. Белкин. — М., 1964. — 223 с.
4. Луценко О. А. Значение негативных обстоятельств в расследовании преступлений / О. А. Луценко // Науки и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2016. — № 12 (79). — С. 116—119.
5. Федотенков Д. Г. Криминалистическая особенность инсценировки как способа сокрытия преступлений / Д. Г. Федотенков // Государство и право: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. — Чита: Мол. учен, 2014. — С. 83—86.
6. Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию / В. Н. Карагодин. — Свердловск: Издательство Уральского университета, 1992. — 175 с.